

Илья Деревянко

Иудино наследство

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163932

Иудино наследство: Эксмо;

Аннотация

Бандиты и коммерсанты.

Киллеры и их заказчики.

Менты и «красная масть в криминале».

Добропорядочные обыватели и...запредельная жестокость!

Кто эти люди?! Почему они стали теми, кем стали!?

Ответы на эти вопросы (а также многое другое) вы найдёте в нашем сборнике.

Далеко не все любят вспоминать 90-е годы. Но... без знания реалий того времени не поймёшь настоящего и не увидишь будущего...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Илья Деревянко

Иудино наследство

Иуда Искариот пошел к первосвященнику и сказал: что вы дадите и я вам передам Его? Они предложили ему тридцать сребреников, и с того времени он искал удобного случая предать Его.
Евангелие от Матфея, 26,14-16.

Это гнусное действие являет на свет то самое проклятое золото, отравляющее души живых, но уже поддавшихся очарованию смерти людей.
Криминальная хроника, 1997 г., № 6, с. 13.

Глава 1

Июнь тысяча девятьсот девяносто седьмого года, помимо различного рода политических передрыг и скандалов, ознаменовался для жителей Москвы невероятной духотой. Частые дожди не приносили долгожданной прохлады. Напротив, увлажненный регулярными ливнями и добросовестно нагреваемый палящим солнцем воздух создавал в городе липкую атмосферу теплицы. Люди на улицах исходили потом, а продавец коммерческой палатки Василий Овчаренко ну просто варился в собственном соку.

Попробуйте-ка посидеть весь день на солнцепеке в желез-

ной коробке! Помимо прочего, с утра 29 июня у одуревшего от жары Василия начались неприятности. Дело в том, что Василий, как говорится, зарвался: внаглую завышал цены, обсчитывал покупателей, хамил и, помимо прочего, всю торговал левым товаром [В данном контексте – выставял на продажу свой собственный товар и с хозяином палатки не делился. (Здесь и далее примечания автора.)]. В условиях бешеной конкуренции, когда, в отличие от времен всеобщего дефицита, стало трудно не купить, а продать, долго так продолжаться не могло. Хозяин палатки (и еще десятка других) Олег Юрьевич Суцев быстро почуял неладное. Приблизительно определив убытки, причиненные ему обнаглевшим продавцом, Олег Юрьевич не удержался от искушения собственноручно начистить хайло подлецу Ваське. Экзекуция происходила в одиннадцать утра.

– Олег Юрьевич, не на-а-адо!!! – скулил, глотая сопли, Овчаренко и тщетно пытался увернуться от карающей длани разгневанного работодателя.

– Глохни, падла, – рычал Суцев, плотный светловолосый мужчина лет тридцати пяти, с красным от жары и бешенства лицом. – Пригрел я гадюку на груди! У-у-у!!! Козел!!!

Наконец Олег Юрьевич утомился, брезгливо вытер с кулака овчаренковскую кровь, уселся на стул в углу, достал из ящика бутылку пива и принялся жадно пить прямо из горлышка. Василий, не смея подняться на ноги, всхлипывал на полу. Опорожнив бутылку, Суцев удовлетворенно крикнул.

– Значит, так, – более спокойным тоном сказал он. – С работы ты уволен, без выходного пособия, разумеется. Да погоди, ублюдок! Не перебивай! Думаешь, просто так от меня отделаешься?! Нет уж! Дудки! Я еще подсчитаю нанесенный ущерб, и материальный и моральный. Не захочешь платить – отдам на растерзание «крыше».

Овчаренко затрясся в ознобе. С «крышей» Сущева ему связываться не хотелось: здоровенные лбы на иномарках, с боксерскими физиономиями, волчьими глазами и массивными золотыми цепями на бычьих шеях, внушали трусоватому Василию животный ужас. Олег Юрьевич бандитов не обманывал, доходы скрывать не пытался, расплачивался в срок, и посему они, ценя сознательность коммерсанта, относились к нему дружелюбно. Естественно, бандиты не откажут Сущеву в пустяковой просьбе – навеки отобрать здоровье у продавца-подлюки.

– Усвоил, урод моральный?! – рявкнул начинающий заводиться по новой палатковладелец.

– Да-а-а!!!

– Хорошо! А теперь вали отсюда, в темпе вальса...

Понурившийся Овчаренко с кислым видом заковылял домой. Однако беды его на этом не закончились. Невзирая на угнетенное выражение физиономии и до сих пор трясущиеся от страха поджилки, Василий буквально задыхался от ненависти. Ах, с каким бы удовольствием он придушил, нет, лучше посадил на кол Сущева, а потом долго глумился бы над

трупом!

Бессильную ярость усугубляло то обстоятельство, что бывший продавец отлично сознавал свою собственную ущербность. Василий не был ни дистрофиком, ни калекой. Роста выше среднего, жилистый, мускулистый, темноволосый, с «романтичным» шрамом на подбородке, но... Как известно, внешний вид во многом определяется внутренней сущностью человека. Некрасивые, но добрые душой выглядят привлекательными, слабые физически, но мужественные сердцем – сильными, и наоборот. Овчаренко относился к категории «наоборот». Мелкая гнусная душонка Василия как бы просвечивала сквозь плоть. Посему большинство женщин взирало на него с презрительной жалостью, а мужчины (кроме таких же, как он, недоносков или безмозглых малолеток) с отвращением...

Не доходя двух кварталов до дома, углубленный в злобно-трусливые мысли Овчаренко едва не угодил под машину. Завизжали тормоза. Водитель темно-красной «восьмерки», чтобы не задавить прущегося на красный свет раззяву, резко вывернул руль, въехал на бордюр, разразился многоэтажной руганью и, переполненный праведным негодованием, выбрался из машины. Вурдалаков-гаишников, по счастью, вблизи не оказалось.

– Сука рваная! – процедил он сквозь зубы. – Чмо болотное! Слеп, твою мать?!

«Опять бандит! – панически подумал Василий, посмотрев

на толстенную золотую цепь, искрящуюся в лучах полуденного солнца на загорелой шее водителя. – Сейчас на бабки поставит! Ох что будет, что будет!!»

Однако бандит, внимательно взглядевшись в жалкую фигуру виновника аварии, не стал «нагружать» Овчаренко, а лишь сплюнул с досады и от души врезал ему носком ботинка в пах...

* * *

Мошонку переполняла ноющая боль. Подташнивало. Кружилась голова. Василий глухо постанывал, скорчившись на диване. В затхлом, пыльном воздухе противно жужжали жирные черные мухи. Из пепельницы воняло залежалыми окурками. После развода Овчаренко жил один в двухкомнатной квартире. Жена, замучившись судиться со склочным мужем по поводу раздела имущества, махнула на все рукой и, забрав ребенка, перебралась к родителям. «Подаvisь ты, поганец», – в сердцах бросила она бывшему супругу и даже не заикнулась об алиментах, чем весьма порадовала прижимистого Василия.

«Вот заживу!!!» – радостно подумал он. Но не тут-то было! Только-только в расчете разжиться деньжонками начал разворачивать мухлежную деятельность, как пинком под зад выгнали с работы, вынудили выплачивать огромный штраф и... Овчаренко в отчаянии заскрежетал зубами. Скрипу-

че заверещал телефон, стоящий рядом с диваном. Василий неохотно снял трубку.

– Это я, внучок. Приезжай. Помираю! – донесся с другого конца провода дребезжащий старческий голос. Овчаренко перекосялся, как черт при виде Святых Даров. «Тебя мне еще не хватало, старая перечница», – раздраженно подумал он.

Дед Овчаренко, бывший полицей, отсидевший за службу немцам десять лет в советском концлагере, жил на другом конце города. Внук не испытывал к нему ни капли родственных чувств, но не по причине патриотизма, а из элементарного эгоизма. Всю жизнь тридцатилетний Василий самозабвенно любил одного себя. Для других в его сердце просто не оставалось места. «Трезвонит, хрыч! Деньги клянчить собирается», – решил Василий и грубо ответил:

– Не могу! Плохо себя чувствую, да и поиздержался порядком. В кармане ни копейки!

– Я ум-мираю! П-приезжай! Не п-пожалеешь. Оз-з-золочу! – Речь старика прервал сухой кашель. Василий повесил трубку и неожиданно задумался. «Оз-золочу!!! Врет поди, маразматик! Точно врет!!! А вдруг нет? Чем черт не шутит! Живет дед нищенски, но...»

В памяти всплыли многочисленные истории о нищих, оставлявших после смерти наследникам внушительные состояния. Тем паче в бытность полицейем предок вполне мог

награбить немало барахла. Зыбкая, конечно, надежда, однако попытка не пытка. Минут пятнадцать Овчаренко колебался в нерешительности. Затем махнул рукой: «Была не была! Навещу хрыча! Авось повезет!»

Придя к подобному умозаключению, он вышел из квартиры, запер дверь на все пять замков, спустился вниз по лестнице и зашагал в сторону ближайшей станции метро...

Глава 2

Бывший полицай Николай Викторович Овчаренко обитал в малогабаритной однокомнатной квартирке, плотно заставленной различной рухлядью, по недоразумению называемой мебелью. Старик никогда не отличался чистоплотностью. В квартире пахло плесенью, по стенам, полу и потолку толпами разгуливали тараканы. Дверь отворил двоюродный брат Василия Степан. Сомнения в душе Овчаренко мгновенно сменились возмущением. «Этот какого хрена тут делает?! На дедово золотишко польстился?!» Судя по кислой, как укус, физиономии Степана, тот тоже не особенно обрадовался встрече с «братиком».

– Проходи, – хмуро буркнул он, – тебя только за смертью посылать! Дед вот-вот загнется, но упорно настаивает на том, чтобы тайну узнали мы оба!

Николай Викторович бессильно распластался на широкой деревянной кровати с несвежим бельем. В комнате пахло испражнениями и давно невымытым старческим телом. Лицо Овчаренко-старшего налилось кровью. Блеклые желтоватые глаза покрылись мутной поволокой. Из черного провала рта со свистом и всхлипами вырывалось редкое дыхание. «Действительно сдыхает!» – мелькнуло в голове у Василия.

Николай Викторович поманил обоих братьев корявым пальцем. Те, зажимая носы, приблизились к кровати.

– У меня много золота... Очень много, – прошамкал старик. – В Белоруссии... в лесу... двадцать километров от деревни Черные Кусты...

– Бредит, – шепнул Степан.

Василий с сомнением покачал головой.

– Вы небось думаете, я был простым полицаем?! – на синюшных губах старика появилось некое подобие улыбки. – Не-е-ет! Ар-кх-кх-кх! Я служил в зондеркоманде «СС» под командованием штурмбаннфюрера Отто Кранца. Кх-кх-кх-арх!!!

Лицо умирающего налилось синевой. Потомки поспешно бросились за лекарством. Старый каратель, невзирая на приближающуюся агонию, наблюдал за ними с нескрываемым ехидством. «Засуетились! Разбогатеть мечтают! Хе-хе-хе!!!»

Лекарство подействовало довольно быстро. Степан с Василием обратились во внимание.

– После войны я сумел обмануть энкавэдэшников, прикинуться обычным полицаем, – слабым голосом продолжил Николай Викторович. – Это было не особенно сложно. Из нашей зондеркоманды в живых остались только я, замкомвзвода Арсений Федюк и Отто Кранц. Штурмбаннфюрер в 1943 году после разгрома команды собирался драпать в Германию, но мы с Федюком его.....арк-х-х-х-к... замочили, а золото спрятали в лесу... Карта в верхнем ящике письменного стола....

– А Федюк? – осмелился спросить Степан.

– Его труп я оставил вместе с золотом. Пусть охраняет! – старый мерзавец оскалил в ухмылке гнилые пеньки.

– Почему же ты сам не воспользовался богатством? – удивился Василий.

Вместо ответа Николай Викторович конвульсивно выгнулся и забился в агонии. Спустя пять минут грязная душа карателя Овчаренко перекочевала в ад, а брэнная земная оболочка с изуродованным инсультом лицом застыла на кровати.

Некоторое время в комнате царила тишина.

– Н-да, – вымолвил наконец Степан. – Де-ла-а! Похоже, дед говорил правду, давай заглянем в письменный стол!

Карта представляла собой пожелтевший от времени клочок плотной бумаги, слегка обугленный по краям, будто карта попала сюда прямым из преисподней. На обратной стороне бисерным муравьиным почерком был составлен перечень содержимого клада. Взглянув на него, Василий восхищенно присвистнул:

– Двадцать три килограмма золотых зубов, тысяча двести золотых колец, восемьсот пар серег с драгоценными камнями, церковная утварь и т. д и т. п. Общий вес около восьмидесяти кгэ.

Несколько долгих минут оба родственника ошалело тарасились в бумажку и глотали слюни. Каждый рисовал в уме ослепительные картины будущего. Василию, например, мерещилась новенькая «Вольво», обеды в шикарных ресто-

ранах, умопомрачительные девочки, гориллообразные телохранители... Он представлял, как во блеске величия подьедет к своему прежнему месту работы, как вытянется от зависти ненавистная рожа Сущева, который, как пить дать, обеднеет после первого июля [С 1 июля 1997 г. в коммерческих палатках запрещено продавать спиртные напитки крепостью свыше двенадцати градусов.].

Но Овчаренко этим не ограничится. Он подкупит крепких ребят, и те до полусмерти или лучше до смерти забьют ногами Олега Юрьевича. На губах Василия расплылась блаженная улыбка.

– Как с дедом поступим? – вернул его на землю голос Степана.

– А? – встрепенулся Василий.

– С трупом, говорю. Жара ведь, протухнет! Да, кстати, квартира оформлена на меня!

– Чего-о-о?!!

– Гы, гы! Меньше надо было варежкой хлопать! Навещать старика хотя бы раз в неделю, молочка там принести, хлебушка... Ты же сюда носа не казал, вот и не разевай теперь хайло! Моя хата, понял?!

Василий пал духом. «Лох!!! Дубина стоеросовая!!! Прозевал куш! А Степка шустрый, гад! Обскакал!!!» – мысленно ругал он себя.

– Куда труп денем? – нетерпеливо повторил Степан.

– Твоя квартира, тебе и решать! – злорадно ухмыльнулся

Василий.

* * *

В морг они все же поехали вместе, на грязно-зеленой труповозке. Изношенную машину трясло и болтало в разные стороны. Мертвого карателя, дабы не сползал с носилок, накрепко привязали к ним простынями. Любящие внучики позабыли закрыть деду глаза, и он остекленело таращился в потолок. Агония оставила на лице покойника жуткую, кривую гримасу, и в настоящий момент Николай Викторович напоминал смеющегося дьявола. Однако ни Степан, ни Василий не питали склонности к мистике, отдавая предпочтение вещам материальным.

– Когда заберете? – лениво спросил служитель, после того как тело усопшего загрузили в «холодильную камеру». – Учтите, с местами напряженка!

– Э-э-э! – замылся Степан и промямлил: – Можно переговорить со здешним руководством?

* * *

Всю дорогу Василий завидовал «сообразительности» двоюродного брата. Хитер Степка, ох хитер! Недооценивал он его! И квартиру отхватил, и расходов на похороны избежал.

Степан наплел заведующему, будто не имеет средств к существованию, и предложил труп деда в безвозмездное пользование студентов-медиков. Заведующий поморщился (слишком много в нынешнее время развелось бесхозных мертвецов), но согласился. Теперь Степан лоснился от самодовольства и оживленно обсуждал с братом предстоящую поездку в Белоруссию. Вечерело. Духота на городских улицах и в общественном транспорте стала совершенно невыносимой. Василий обливался потом. Мокрая насквозь рубашка прилипла к спине.

– Лучше всего ехать на машине, – разглагольствовал Степан. – Особенно обратно. Груз-то, сам понимаешь... да и добраться иным способом до Черных Кустов практически невозможно. Ближайшая железнодорожная станция в сотне километров. Имеется у меня приятель Сережа Полтинников, владелец «Нивы»...

– Предлагаешь брать его в долю?! – набычился Василий.

– Конечно, нет! Законные наследники – мы с тобой. Отстегнем Сережке за услуги грамм пятьсот золотых зубов, и баста!

– А он согласится? – засомневался Василий.

– Никуда не денется.... И еще – до недавнего времени Полтинников промышлял перегоном машин из Белоруссии в Россию, знает там каждый кустик, все ходы и выходы. Помимо прочего, он любитель ходить в походы, хорошо ориентируется на местности...

– Гонорар Полтинникову выделишь из своей доли, – с вызовом перебил Василий. – Ты и так квартиру деда захапал...

– Ладно, – не стал спорить Степан. – Это вопрос не принципиальный. Потом как-нибудь разберемся «по-родственному»...

Глава 3

Сергей Полтинников в течение последнего месяца пребывал в унылом настроении. Бизнес, связанный с перегоном машин, по не зависящим от него причинам лопнул, а другой прибыльной работы Сергей найти не сумел. Полтинников с детства верил в свое «высокое предназначение». В школе учился на «пятерки», считал себя гораздо одареннее товарищей и со снисходительной жалостью взирал на ровесников, которым, по его мнению, было уготовано жалкое существование. Он с важным видом рассуждал о неопцененных достоинствах произведений Кафки, нахваливал шизофреническую мазню абстракционистов, выискивал «глубинный смысл» в выпендренных фильмах некоторых кинематографистов с вывихнутыми мозгами, не понимая, что в точности копирует главного персонажа сказки Андерсена «Голый король».

Прошли годы. Многие из «бездарных» однокашников Полтинникова выбились в люди, а изысканный Сергей остался на бобах. Болтался по жизни как дерьмо в проруби. Бывший отличник втайне завидовал сверстникам черной завистью, проклинал злодейку судьбу, жестокий мир, неспособный оценить его утонченную, возвышенную натуру. Сергей не понимал, что в действительности он всего-навсего бездельник, возомнившее о себе ничтожество. Помимо этих

«достоинств», Полтинников являлся отпетым трусом, аналогом «премудрого пескаря», гениально описанного Салтыковым-Щедриным, и, разумеется, регулярно вляпывался в различного рода неприятности. В двадцатых числах июня Сергея «поставил на бабки» [Заставил выплатить себе определенную сумму денег.] сосед Вова, приклатненный дешевый шпаненок, и обуянный страхом Полтинников отдал требуемое, почти до дна опустошив свои финансовые закрома. Шпаненок, однако, не удовольствовался мздой и, рассудив – «грех не обуть такого лоха», потребовал машину, последнее достояние Полтинникова. Поэтому, получив от братьев Овчаренко приглашение прокатиться в Белоруссию, Сергей согласился сразу, подумав: «Авось Вову тем временем посадят или сам подохнет от наркоты, а полкило золота мне не помешает».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.